

В. Симонов

Антироссийские санкции и системный кризис мировой экономики

В статье анализируются причины и возможные последствия современной ситуации на валютном рынке России для стратегии развития импортозамещающих производств. Показано, что политика санкций является продолжением конкурентной борьбы, которая обострилась после структурного кризиса мировой экономики в 2008 г., понимаемого как кризис модели инфляционного роста, сочетающийся с циклическим и финансовым кризисами.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, структурный кризис, международная конкуренция, инфляционная модель роста, экономические санкции.

JEL: E10, E31, E44.

Кризис модели

Смысл начавшегося в 2008 г. кризиса с разных высот виделся по-разному. Одни (кто наблюдал его начало с высоты ипотечной пирамиды) называли его финансовым, другие (кто предпочитал рассуждать о «тихих гаванях» и готовности помочь «нашим западным друзьям») — «ужасным, неприятным». Преобладало мнение, что причиной кризиса стали «финансовые пирамиды» при недостаточной системе госконтроля (слабое банковское регулирование и либеральная денежная политика — «легкие деньги»; иными словами, *перекредитование и излишняя эмиссия*), а также тем психологическим фактом, что «каждое новое поколение банкиров живет как бы с чистого листа, не извлекая из прошлого никаких уроков» (намек на ипотечный кризис в США в конце 1980-х годов), и хочет немедленно иметь максимальные прибыли и высокие доходы.

Мы определили его тогда как *структурный* — сочетающий *циклический кризис* перепроизводства и *кризис инфляционной модели экономического роста*, основанной на *перекредитовании капиталозбыточной экономики*, одним из аспектов которого стал *кризис финансовый* (Симонов, 2012). В условиях монополярной и «непомерно возросшей

Симонов Вениамин Владимирович (ekkleisia@hist.msu.ru) д. э. н., завкафедрой Исторического факультета, профессор Высшей школы государственного аудита МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва).

финансовой глобализации, которая обгоняет экономическую глобализацию, особенно производственного сектора экономики» (Красавина, 2014), охватившей практически весь мир, этот кризис может быть только глобальным. Начался третий этап *кризиса внешней задолженности промышленно развитых стран* (подробнее см.: Симонов, 2011).

Ситуационная схема формирования предпосылок для кризиса внешнего долга представляется следующей.

1. Модель «экономики потребления» может обеспечивать относительно стабильный рост только в условиях управляемой инфляции; нерегулируемая инфляция, как показал опыт первой половины XX в., непременно приводит к кризису перепроизводства.

2. Для снижения риска кризисов перепроизводства в модели «экономики потребления» необходимо переносить потребление за пределы стран-производителей при достижении внутри этих стран определенного максимума, который начинает ограничивать производственную активность.

3. Это возможно только при наращивании системы внешнего кредитования, так как внутренних ресурсов в странах-потребителях недостаточно, чтобы обеспечить искомый уровень производительного и конечного потребления.

Возникающее в этом процессе перекредитование приводит сначала к «долговой спирали», а затем к невозможности обслуживать и погашать накопленную задолженность.

Кризис поставил перед мировой экономикой политико-экономическую проблему экзистенциального характера: разработать *принципиально новую организационно-хозяйственную модель экономического роста*. Пока этой модели нет, речь постоянно идет лишь о возврате, после очередного кризиса, к *прежней модели инфляционного роста на основе различных форм кредита* (как классического, так и через ценные бумаги и деривативы), в лучшем случае — на усовершенствованных технологических основах и с новыми формами пруденциального надзора (БазельII, БазельIIа, БазельIII). Применение регуляторами ставших с 1980-х годов традиционными монетаристских «антикризисных» мер приводит к тому, что *репродуцируются причины кризиса*.

Именно этот факт позволяет предположить, что неолиберальная модель цикл за циклом демонстрирует свою непригодность как универсального инструмента стабилизации экономического роста на бескризисной основе. Периодически возникают разговоры о необходимости *вмешательства государства в экономику* — не только как регулятора, но и как инвестора; об этом активно пишет, например, Дж. Стиглиц — «зеркало американской экономической оппозиции» (Стиглиц, 2010; 2011). Это вмешательство представляет собой прямое воздействие на управление экономикой (либо в целом, либо в рамках отдельных отраслей). Из него непосредственно следует индикативная *плановость*, поскольку государство может инвестировать только через бюджет, а *бюджет — это* определенным образом организованный и исполняемый *финансовый план*. Дистанцируясь на официальном уровне от неокейнсианского этатизма и дирижизма, правительства промышленно развитых стран в условиях крайней необходимости, забыв о монетаристской ангажированности,

немедленно осуществили чисто кейнсианские меры — от срочного субсидирования вплоть до национализации проблемных финансовых институтов и их санации за счет налогоплательщиков, что вызвало всплеск социальной активности населения («Occupy Wall street» и аналогичные акции в странах Европы, не только серьезнее других пострадавших от кризиса, но и в относительно благополучных).

Вступление России в мировой структурный кризис было обусловлено глобализационными факторами. Степень их влияния определяется ее интеграцией в мирохозяйственные связи в течение первого десятилетия XXI в., когда эта интеграция стала своего рода *idée fixe* российского бизнеса и правящих кругов (вплоть до окутанного тайной финального этапа вступления в ВТО с подписанием в строгом секрете от обществуности интеграционного договора)¹.

Однако развитие кризиса в нашей стране имеет особенности. Россия — развивающаяся страна не первого порядка. (Классификационная группа *emerging markets*, к которой почти 20 лет относилась Россия в международной статистике, была введена специально для того, чтобы подчеркнуть внесистемность относимых к этой категории стран: они выводились за рамки как группы промышленно развитых, так и группы развивающихся стран.) И если на Западе наблюдается *кризис перепроизводства в перекредитованной экономике*, то в России — *недокредитованная капиталододефицитная экономика*, находящаяся в состоянии *хронического недопроизводства* (за исключением сырьевых отраслей). Поэтому если на Западе в качестве первой меры была избрана, хотя и не очень удачно, борьба с инфляцией (в использовании этого механизма регулирующие институты существенно переусердствовали, в результате западные экономики столкнулись с опасностью дефляции, способной вовсе прекратить экономический рост), то в России этот механизм лишь осложняет кризисную ситуацию, замедляя экономический рост, поскольку снижаются внутренний кредит и платежеспособный спрос.

Существенно осложнили внешнеэкономическое положение России простимулированные США и объявленные рядом стран Запада *экономические санкции* и симметричный ответ на них правительства нашей страны. Механизм торговой войны исторически представляет собой один из наиболее эффективных административных методов конкурентной борьбы в системе мирохозяйственных связей. При этом основная ось международной конкуренции проходит не столько между Европой и Россией (последняя в существенной степени зависит от диверсифицированного по товарной структуре импорта из Европы, поставок энергоносителей и иных сырьевых товаров, а также от европейского финансового рынка и офшоров), сколько между ЕС и США как центрами силы глобальной экономической системы. Отношения между ними с рубежа XX—XXI вв. осложнены непрекращающейся валютной войной (постоянное занижение курса евро к доллару США) и периодически осложняются иными административно-конкурентными всплесками («стальная война»). Да и в самой Европе «тупик борь-

¹ Подробнее см.: Игумен Филипп (Симонов): Почему я против вступления России в ВТО? <http://www.pravmir.ru/igumen-filipp-simonov-pochemu-ya-protiv-vstupleniya-rossii-v-vto/>.

бы интеграций» привел к серьезному «континентальному разлому» (Винокуров и др., 2014).

Санкции и контрсанкции отрезали Россию от мировых финансовых и некоторых товарных рынков. Санкции в сочетании с продолжающимся глобальным системным экономическим кризисом, в который втянута и Россия, делают развитие импортозамещающих производств (и производную от нее долгосрочную проблему политики *self reliance*) не только краткосрочной социальной необходимостью, но и долгосрочной альтернативой сырьевой модели развития экономики. Используя потенциал новой модели, Россия сможет преодолеть *зависимый* тип развития и модель *догоняющего роста* (Симонов, 1997). Появившиеся после объявления европейских санкций указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» и Федеральное послание, оглашенное 4 декабря 2014 г., дают основания считать, что такая постановка вопроса представляется реальной в правительственных кругах.

Государство в условиях кризиса

К сожалению, это понимание разделяется далеко не всеми. В России продолжают говорить «об априорной неэффективности государства как собственника». Надо исходить из того, что *основная задача любого государства, которая делает его существование целесообразным и оправданным для граждан*, — не сбрасывать с себя абсолютно все управленческие обязанности, а *обеспечивать эффективную организацию жизни граждан, в том числе и хозяйственной*.

Новый виток кризиса, связанный с применением санкционного механизма, потребовал по-новому использовать организационно-хозяйственный потенциал государства. Требования, ситуативно сформулированные в указе от 6 августа 2014 г., можно считать *свидетельством готовности в случае форс-мажора перешагнуть через идеологические догмы и решать всеми доступными инструментами конкретные вопросы*, которые возникают в конкретной экономической ситуации. Указ № 560² предписывал правительству, помимо определения перечня продукции, подпадающей под импортные ограничения, «принять меры по обеспечению сбалансированности товарных рынков и недопущению ускоренного роста цен на сельскохозяйственную и продовольственную продукцию», организовать контроль за состоянием товарных рынков и, наконец, разработать (совместно с объединениями товаропроизводителей, торговых сетей и организаций) и реализовать «комплекс мероприятий, направленных на увеличение предложения отечественных товаров». Во исполнение этого указа было принято постановление правительства об импортных ограничениях³.

² Указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации».

³ Постановление Правительства РФ от 7 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 „О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации“».

Введение импортных ограничений — это первое и самое простое действие в серии мер, связанных с обеспечением экономической безопасности страны в условиях, к которым трудно подобрать иное определение, кроме как торговая война. Но указ требует *комплекса мер*: фактически, *смены организационной парадигмы* на российском рынке (как на продовольственном, так и на рынке высокотехнологичной продукции), с *ростом участия государства в новой организационной системе*. Реализация этих требований означала бы, по всей видимости, именно «соблюдение приоритета национальных интересов» в ходе «противостояния методам принуждения и санкций» (Красавина, 2014). Указ предполагает:

1) оперативный мониторинг рынка — не просто собирать статистику, а фактически установить *надзорную функцию государства* над рынком, в том числе и надзор за качеством продукции (это многие годы считали «излишней функцией государства»);

2) контроль за рынком — не просто фиксация фактов, но и меры по латанию дыр или по предупреждению их возникновения. Разработка мер «по недопущению ускоренного роста цен» на продовольствие означает как прямое регулирование рынка, с которым боролись 25 лет, так и косвенное — путем организации и перераспределения финансовых потоков и даже в виде товарных интервенций, то есть непосредственного участия в рыночных операциях;

3) комплекс мер по обеспечению предложения отечественных товаров вместо импортных — реальные меры государства, стимулирующие рост отечественного производства товаров.

В Послании Федеральному Собранию эти направления были развиты. Подчеркнута необходимость развивать импортозамещение («там, где это целесообразно и необходимо»), прежде всего в аграрном секторе и фармацевтике; достичь технико-технологической независимости в промышленности («снять критическую зависимость от зарубежных технологий и промышленной продукции»). Сказано о социально-экономическом эффекте импортозамещения («программы импортозамещения должны работать на создание в России *массового* слоя производственных компаний», конкурентоспособных на внутреннем и внешнем рынках). Четко сформулирована взаимозависимость стратегий импортозамещения и экспортной ориентации: развитие конкурентоспособного внутреннего производства должно способствовать росту экспорта (прежде всего, высокотехнологичной продукции).

Эти тезисы конкретизированы в Перечне поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 5 декабря 2014 г. Из общего перечня конкретных мер отметим интересующие нас: 1) *одновременное* обеспечение макроэкономической сбалансированности в сочетании со снижением инфляции до 4%, ежегодным экономическим ростом темпами выше среднемировых и ростом производительности труда не менее 5%; 2) докапитализацию системно значимых банков «при условии направления ими дополнительных финансовых ресурсов на кредитование по доступным процентным ставкам проектов реального сектора экономики»; 3) расширение полномочий уполномоченных банков по банковскому контролю за выполнением госконтрактов.

Кризис и денежно-кредитная политика

В дополнение к организационно-финансовым мерам правительство должно разработать и осуществить меры на финансовом рынке, которые стимулировали бы процессы капиталообразования и инвестирования в отечественный производящий сектор. И эти меры, конечно, не могут быть ограничены только задачей пресечь спекулятивные действия и предотвратить случаи манипулирования на российском валютном рынке. Однако именно здесь ситуация осложнилась.

События на валютном рынке начались не внезапно. Центральный банк фактически дважды их анонсировал — сначала в «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2014 и период 2015 и 2016 годов», а затем — в проекте аналогичного документа на 2015—2017 годы (Банк России, 2013; 2014). В этих документах таргетирование инфляции («обеспечение ценовой стабильности») выступало одновременно и программой-минимум и программой-максимум регулирования финансового рынка. Валютный сегмент рынка Банк России смело отдавал в ведение «фундаментальных факторов» свободного рыночного курсообразования («плавающий курс»). За рамками многочисленных теоретических рассуждений об избранной политике остался один важный вопрос: *как именно* плавающий валютный курс (современная глобальная инфляционная модель экономического роста и практически постоянная «валютная война» со стороны доллара США предопределяют тенденции к падению национальных и региональных валют против доллара) мог бы содействовать достижению цели, заявленной Банком России в качестве основной — обеспечению ценовой стабильности в экономике, существенно зависящей от импорта?

Пока шла вялая дискуссия по поводу целей и инструментов денежно-кредитной политики, в январе произошел первый курсовой всплеск, весной — следующий, а в октябре—ноябре — третий с начала года, когда ситуация начала напоминать 1998 г. Официальный курс Банка России с 1 января по 7 ноября вырос по доллару на 46,6%, по евро — на 31,6%. Несомненно, всплеск на валютном рынке, начавшийся осенью и продолжавшийся до декабря включительно, в существенной степени был обязан своим *развитием* спекулятивному фактору. Это доказала и «уличная» торговля: спреды составили 1,5—3 руб. (Так происходит, когда банки готовы спекулировать и не уверены во времени окончания спекулятивной ситуации, а потому стремятся максимизировать прибыль за счет арбитража.) Но вряд ли спекулятивный фактор стал *причиной* этого всплеска. Нет сомнений, что этот всплеск связан с нефтяным фактором, как его ни расценивать. Он может быть следствием падения конъюнктуры ввиду замедления мировой экономики (что до некоторой степени спорно: в 2014 г. мировая экономика не упала столь существенно, чтобы дать импульс к снижению нефтяных цен на 40%. Напротив, в ряде европейских стран, весьма далеких географически от американской сланцевой революции, наблюдаются определенные позитивные тенденции, а другие стагнируют, поэтому говорить о «глобальном провале» потребления нефти нет оснований). Нефтяной фактор можно считать проявлением механизмов «торговой войны» (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Биржевые котировки нефти марки Brent (долл./барр.)

Период	Открытие	Максимум	Минимум	Закрытие
Январь	110,74	111,07	105,06	105,79
Февраль	105,75	110,82	104,78	108,65
Март	108,83	111,87	105,41	107,70
Апрель	107,55	110,64	103,96	108,14
Май	107,54	111,04	106,32	109,49
Июнь	108,77	115,71	107,11	112,40
Июль	112,50	112,60	105,41	105,52
Август	105,60	107,45	101,07	103,11
Сентябрь	103,10	103,81	94,24	94,80
Октябрь	94,77	96,78	82,93	85,96
Ноябрь	86,28	86,90	68,22	68,34
Декабрь	68,30	73,40	65,73	66,30*

* На 10.12.2014.

Источник: finam.ru.

Нет сомнений, что санкции в определенной степени изменили соотношение спроса и предложения на российском валютном рынке. Правда, динамика торгового баланса говорит о сокращении потребностей в валюте на цели импорта. Таким образом, даже если учитывать снижение внешнего долга за период с 1 июля до 1 октября на 7,2%, то нельзя говорить, что «фундаментальные макроэкономические факторы» изменились⁴ настолько, чтобы уронить рубль за тот же период на 38—28% (соответственно к доллару и евро, по данным на конец периода) (табл. 2). Необходимо отметить снижение в течение всего года оборотов валютного

Т а б л и ц а 2

**Обменный курс рубля к доллару и евро
в январе—декабре 2014 г.**

Период	Номинальный курс к рублю на конец периода		Средний номинальный курс за период	
	доллар США	евро	доллар США	евро
Январь	35,24	48,10	33,46	45,76
Февраль	36,05	49,35	35,22	48,06
Март	35,69	49,05	36,21	50,02
Апрель	35,70	49,51	35,66	49,24
Май	34—74	47,27	34,93	48,03
Июнь	33,63	45,83	34,41	46,80
Июль	35—73	47,90	34,64	46,95
Август	36,93	48,63	36,11	48,13
Сентябрь	39,39	49,95	37,87	48,92
Октябрь	43,39	54,64	40,76	51,72
Ноябрь	49,32	61,41	45,86	57,27
Декабрь	56,26	68,34	55,41	68,32

Источник: ЦБ РФ.

⁴ См.: Информация Банка России «О ситуации на валютном рынке и сделках РЕПО в иностранной валюте» 4 декабря 2014 г.

**Среднедневной оборот валют
по межбанковским конверсионным операциям (млрд долл.)**

Период	Общий оборот (сумма всех валют), «спот» и «валютный своп»	Российский рубль	Доллар США	Евро
Январь	61,9	50,6	56,6	13,1
Февраль	68,7	56,3	62,4	14,4
Март	67,8	54,7	61,0	16,2
Апрель	56,0	45,4	50,5	12,5
Май	56,1	45,1	49,5	14,3
Июнь	60,1	49,2	52,5	15,0
Июль	60,3	48,5	51,6	16,6
Август	51,7	40,3	44,8	13,6
Сентябрь	49,5	38,7	43,3	12,8
Октябрь	52,6	40,5	47,0	13,3
Ноябрь	49,1	38,4	43,6	11,9
Декабрь	44,0	34,7	39,4	10,6

Источники: данные отчетности № 0409701 «Отчет об операциях на валютных и денежных рынках» кредитных организаций и итогов торгов в секции валютного рынка Московской биржи; ЦБ РФ.

рынка: объем валюты, поступающей на рынок, сокращался при постоянном росте (с учетом курсовых переоценок) рублевой массы (табл. 3).

Объективные обстоятельства заставляют сделать вывод, что среди факторов, определивших направление и скорость движения курса рубля в течение 2014 г., особенно осенью, большую роль сыграл фактор субъективный, в частности официально объявленный Банком России переход к свободному рыночному курсообразованию⁵. На таком негативном фоне валютные интервенции в существенной степени потеряли регулятивный потенциал. С начала года международные резервы Банка России сократились с 509,6 млрд долл. (на 1.01.2014) до 385,5 млрд (на 1.01.15) — на 24,4 %, причем в основном за счет операций, а не курсовых разниц (табл. 4).

Можно согласиться с решением Совета директоров ЦБ РФ от 6 ноября о фактическом прекращении интервенций: слишком высоки затраты (в октябре резервы уменьшились на 25,6 млрд долл. — столь значительного снижения не наблюдалось с 2009 г.; в первые две недели ноября — на 8 млрд долл.) и слишком ненадежен результат⁶. Продолжение интервенций могло поставить под вопрос достаточность

⁵ См.: Информация Банка России «О параметрах курсовой политики Банка России» от 10 ноября 2014 года. Заявлено об «упразднении действовавшего механизма курсовой политики», отмене «интервала допустимых значений стоимости бивалютной корзины» и «регулярных интервенций на границах указанного интервала и за его пределами». Как полагал Банк России, «в результате реализации принятого решения формирование курса рубля будет происходить под влиянием рыночных факторов, что должно способствовать усилению действенности денежно-кредитной политики Банка России и обеспечению ценовой стабильности», а также «быстрой адаптации экономики к изменениям внешних условий» и росту ее «устойчивости к негативным шокам».

⁶ Представители регулятора постоянно подчеркивают (особенно после соответствующих заявлений Президента РФ), что Центральный банк не отказывается от валютных интервенций в условиях высокой нестабильности на финансовых рынках и оставляет за собой право применять их внезапно по своему усмотрению.

Т а б л и ц а 4

**Золотовалютные резервы Банка России
в январе—декабре 2014 г. (млрд долл.)**

Период	Остаток на 1-е число месяца	Изменения в результате операций	Переоценка в результате изменения валютного курса
Январь	509,6	-8,1	0,0
Февраль	498,9	-6,6	+4,0
Март	493,3	-12,7	-0,5
Апрель	486,1	-15,7	+1,9
Май	472,3	-2,4	-4,8
Июнь	467,2	+7,8	+3,4
Июль	478,3	-4,8	-4,2
Август	468,8	+1,6	-4,5
Сентябрь	465,2	-2,5	-10,8
Октябрь	454,2	-26,6	-2,4
Ноябрь	428,6	-6,4	-3,5
Декабрь	418,9	-31,2	-4,4

Источник: ЦБ РФ.

резервов для удовлетворения спроса на валюту в ближайшей перспективе. Это было тем более оправданно, что на 2015 г. придется первый пик платежей по задолженности коммерческого сектора, которая суммарно (банки и коммерческий сектор экономики) составляет ныне порядка 600 млрд долл. (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Внешний долг Российской Федерации в 2013—2014 гг.

(по состоянию на 1.01.2015, млн долл.)

	01.01.2013	01.01.2014	01.04.2014	01.07.2014	01.01.2015 (оценка)
Всего	636 421	728 864	716 365	731 204	599 497
в том числе:					
органы государственного управления	54 411	61 743	53 639	57 128	41 516
Центральный банк	15 639	15 963	15 451	16 070	10 407
банки	201 567	214 394	214 022	208 905	171 105
прочие секторы	364 803	436 764	433 253	449 102	376 469

Источник: ЦБ РФ.

Основные кредиторы сосредоточены в государствах, применивших в отношении России режим санкций, поэтому поблажек по обслуживанию долга ждать не приходится. Учитывая прогнозы аналитиков, которые считают, что режим санкций может сохраниться до конца 2017 г., необходимо признать, что заимствовать на внешнем рынке для рефинансирования долговых обязательств также будет невозможно.

С учетом этой перспективы экономия валютных резервов понятна: их должно хватить, чтобы обеспечить соответствующий объем предложения валюты на внутреннем рынке в период, когда ее будут выкупать банки и фирмы для обслуживания и погашения внешнего долга. Кроме того, никто не отменял неофициальное расчетное правило поддерживать золотовалютные резервы на уровне трехмесячного (или

шестимесячного) импорта. (В России это 60—80 млрд долл., которые нужно добавить к нуждам обслуживания внешней задолженности.)

В данном контексте отказ от интервенций можно считать даже краткосрочной «противодефолтной» мерой. Конечно, ее следствием будет дефицит валюты на рынке и соответствующий рост курсов иностранных валют. Но в период кризиса 1998 г. разработаны определенные меры по преодолению дефицита валюты на рынке: обязательная продажа валютной выручки экспортеров, ограничение валютных потребностей импортеров, ограничение валютной позиции банков и т. д. Председатель ЦБ РФ Э.С. Набиуллина решительно отвергает даже мысль о возможности использовать обязательную продажу, но у Банка России помимо валютных интервенций есть ряд инструментов, применение которых существенно выравнивает спрос и предложение валюты.

Вполне логичными оказались меры по созданию условий для оттока рублевых средств с рынка, стимулировавших временное повышение курса. Однако нельзя утверждать, что этому повышению способствовали только благотворные меры ЦБ: наступило время налоговых платежей, и предложение валюты на рынке естественно увеличилось, что и позволило, в совокупности, сгладить курсовые колебания. Когда экономические агенты удовлетворили свои рублевые потребности, волатильность рынка вновь усилилась, причем банки явно не проявляли заинтересованности в основном для ЦБ инструменте рыночного влияния — аукционам валютных РЕПО. (В некоторые дни проведение этих аукционов оказалось невозможным, поскольку не было спроса. Банк России объяснял это отсутствием «в настоящий момент дефицита валютной ликвидности», но, видимо, банки просто не хотели отвлекать средства с валютного рынка, где возникают более существенные прибыли, и добровольно иммобилизовывать их, тем более практически на стандартных рыночных условиях, по среднемесячной ставке около 1%.)

Одно можно сказать с уверенностью: *бюджетобразующую функцию* (об этой смысловой нагрузке на официальном уровне сказано в конце ноября), если предположить, что именно она была сверхзадачей рыночной турбулентности, валютный рынок выполнил. По оценке Счетной палаты Российской Федерации, обнародованной ее председателем Т. А. Голиковой⁷, в сложившейся ситуации (с учетом падения мировых цен на нефть и сокращения экспорта энергоносителей) бюджетные потери (против утвержденных показателей) в 2015 г. должны составить около 330 млрд руб., так что попытка частично возместить их через курсовые разницы вполне объяснима.

Отчасти решив бюджетные проблемы будущего года (это один из плюсов, хотя и весьма относительный, обрушения курса рубля), курсовая динамика явно осложнила решение задачи импортозамещения⁸. Даже если предположить, что эта политика «всерьез и надолго» (хотя лучшим

⁷ Пресс-конференция главы Счетной палаты Т. Голиковой // Телеканал Дождь — Здесь и сейчас. 2014. 10 дек.

⁸ Этот процесс еще не стартовал в полной мере. Так, за январь—сентябрь объем импорта составил суммарно 232,8 млрд долл. и колебался в пределах от 21 млрд долл. в январе до 25—28 млрд в последующие месяцы (по данным ЦБ РФ, рассчитанным по методологии платежного баланса).

выходом из ситуации многие считают скорейшую отмену санкций), следует иметь в виду, что налаживание внутреннего производства во многом зависит от внешних поставок из оставшихся доступными источников, а низкий рубль импорту не способствует и явно повышательно влияет на процентные ставки. Но без доступного кредита о развитии импортозамещения (да и любого производства) в современных условиях говорить бессмысленно. В то же время бюджетобразующая задача была выполнена так, что к декабрю оказались невозможными прямые регулирующие меры на валютном рынке (валютные интервенции).

Если оставить в стороне разговоры о недопустимости административного регулирования рынка и необходимости неукоснительно следовать либеральной модели (как явно неуместные в условиях обострения кризисной ситуации), то в дополнение к краткосрочным мерам Банка России (ограничение рублевой ликвидности и валютные РЕПО) можно добавить более широкое использование механизма сокращения предложения национальной валюты, создание искусственного рублевого дефицита. Но этот механизм вызовет рост процентных ставок, что будет означать фактическое целенаправленное замораживание экономического роста.

Инфляция за январь—октябрь составила 7,1% против 5,3% за аналогичный период 2013 г., в ноябре она превысила 8%, на конец года Минфин прогнозировал 9,2%, а по факту годовая цифра стала уже двузначной — 11,36%. Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности (январь—ноябрь 2014 г. к январю—ноябрю 2013 г.) составил 101,1%, индекс промышленного производства — 100,4%, инвестиции в основной капитал — 99,6%. Рост процентных ставок в этих условиях будет означать невозможность выхода из стагфляции, в которой, по утверждению ряда аналитиков, находится сейчас отечественная экономика.

С учетом сказанного можно предположить, что придется использовать краткосрочные административные меры регулирования валютной ликвидности: испытанный инструмент обязательной продажи валютной выручки экспортеров с ограничением покупок валюты импортерами (которым в условиях санкций она в большом количестве не нужна) и регулирование открытых валютных позиций банков путем соответствующих изменений в Инструкции от 15.07.2005 № 124И «Об установлении размеров (лимитов) открытых валютных позиций, методике их расчета и особенностях осуществления надзора за их соблюдением кредитными организациями». В действующей редакции Инструкции от 14.11.2007 размер открытой валютной позиции по отдельной валюте составляет до 10% капитала кредитной организации, сумма всех открытых позиций в иностранных валютах и драгоценных металлах — не более 20% капитала банка.

Рассмотрим проблему таргетирования инфляции. Сторонники этой идеи говорят, что «модель денежно-кредитной политики, к которой переходит сейчас Центральный банк РФ, в начале XXI в. стала одной из самых распространенных в мире» (Юдаева, 2014). Но это утверждение далеко не бесспорно: зарубежные специалисты активно дискутируют на тему о том, насколько данная модель устарела после глобального кри-

зиса, не списать ли ее со счетов в пользу таргетирования ВВП и других методов макроэкономического регулирования (см., например: Вудфорд, 2014; Frankel, 2012; Wren-Lewis, 2013). Ни в теоретических обсуждениях, ни в практических действиях не учитывается активная курсовая политика, хотя в соответствии со статьей 3 Федерального закона «О Банке России»⁹ она — в формулировке «защита и обеспечение устойчивости рубля» — является первоочередной целью деятельности ЦБ РФ. основополагающие документы Банка России, связанные с денежно-кредитной политикой, продемонстрировали готовность минимизировать роль валютных интервенций¹⁰ в пользу «свободно плавающего» курса, причем время начала применения механизма «свободного плавания» перенесли с 2015 г. на осень 2014 г. Следует отметить, что в практике промышленно развитых стран даже традиционная цель — 3% инфляции — в год означает (только теоретически!) увеличение количества денег в обращении на 60% за 20 лет, но в реальности никто этой цели не добился.

В этом контексте возникает важный вопрос, который даже не поднимается в теоретических выкладках: *каков экономический смысл таргетирования инфляции в условиях капиталододефицитной экономики, находящейся в состоянии мирового (коль скоро ныне Россия — интегральная часть глобальной экономики) системного кризиса?* (Симонов, Комаров, 2011). В масштабах глобального рынка идет восстановление старой инфляционной модели — за отсутствием принципиально новой.

Экономика России *капиталододефицитна*¹¹. И вряд ли кто-либо скажет, что у нас имеются предпосылки перепроизводства в каких-либо отраслях, скорее следует говорить о *товарном дефиците*, перекрываемом импортом. Ситуацию капиталонедостаточности осложняет рост чистого оттока капиталов. Только за три квартала 2014 г. он составил порядка 85,2 млрд долл. (против 44,1 млрд долл. в январе—октябре 2013 г. и 61,0 млрд долл. — в целом за 2013 г.), причем в I квартале, с учетом роста геополитических рисков и опасений относительно перспектив российской экономики, он был сопоставим с показателями острой фазы мирового кризиса 2008—2009 гг. После мартовского пика показатели начали снижаться, однако последний официальный прогноз Банка России оценивает объем «бегства капиталов» к концу года на уровне 128 млрд долл. (рекорд 2008 г. — 133,6 млрд долл.).

Проблему осложнили санкции и контрсанкции, существенно снизившие возможность использования импорта, но зато поставившие вопрос о форсированном развитии внутреннего импортозамещающего производства. Ситуация с кредитованием экономики острая и без задачи импортозамещения (табл. 6): в течение 2014 г. объем предоставленных кредитов сокращался (примерно на четверть) при росте задолженности, в том числе просроченной.

Наибольший объем просроченной задолженности приходится на физических лиц: их доля составляет 9,8% (0,6 трлн руб. на 1 октября).

⁹ Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в редакции Федерального закона от 4 ноября 2014 г. № 344-ФЗ).

¹⁰ Банк России, 2014. С. 37.

¹¹ Единственный перекредитованный сектор банковских услуг в отечественной экономике — необоснованно раздутое самими банками потребительское кредитование.

**Объем кредитования банковским сектором
юридических и физических лиц-резидентов в 2014 г. (млн руб.)**

Показатель	На 1.01.2014	На 1.10.2014	Изменение, %
<i>Общий объем кредитования юридических лиц-резидентов и индивидуальных предпринимателей</i>			
В рублях	31 582 837	23 852 560	24,5
В иностранной валюте и драгоценных металлах	4 641 730	3 397 312	26,8
<i>Задолженность по кредитам юридических лиц-резидентов и индивидуальных предпринимателей</i>			
В рублях	17 963 336	19 777 430	10,1
В иностранной валюте и драгоценных металлах	4 278 985	5 256 234	22,8
<i>Просроченная задолженность по кредитам юридических лиц-резидентов и индивидуальных предпринимателей</i>			
В рублях	861 362	999 953	16,1
В иностранной валюте и драгоценных металлах	96 647	120 454	24,6
<i>Сведения о кредитах, предоставленных физическим лицам-резидентам</i>			
Объем, всего	8 778 163	6 388 648	27,2
Задолженность, всего	9 925 922	11 057 460	11,4
в том числе просроченная	439 161	628 705	43,2

Источник: ЦБ РФ.

Ссуды физическим лицам с просрочкой платежей на срок свыше 90 дней составили на 1.10.2014 порядка 7,8% объема кредитов, предоставленных физическим лицам (против 5,8% на 1.01). И это следствие не только беспечности данной категории заемщиков. В гораздо большей степени это результат агрессивной политики банков, часто насильно навязывающих потребителю свои кредитные продукты на весьма жестких условиях¹².

Проценты по кредитам юридическим лицам неуклонно растут: по расчетам Банка России, средневзвешенные процентные ставки кредитных организаций (без учета «Сбербанка») по рублевым кредитам нефинансовым организациям (народному хозяйству) возросли с 9,6—11,4% в январе до 11,08—12,5% в сентябре 2014 г. Именно на этом фоне таргетирующий инфляцию¹³ Банк России 5 ноября повысил свою ключевую ставку сначала до 9,5%, а в ночь на 16 декабря — до 17% (с 13 сентября 2013 г. по 2 марта 2014 г. она составляла 5,5%). Эта идея не нова для условий кризиса: в 2008 г., при предыдущем составе Совета директоров ЦБ, она выросла на 30% — с 10% в феврале до 13% с 1 декабря.

¹² По данным Банка России, средневзвешенные ставки по «длинным» (на срок 1—3 года и свыше 3 лет) кредитам физическим лицам, предоставленным кредитными организациями, в 2014 г. понижались с 21,69 и 17,29% в январе до 20,73 и 16,49% в сентябре. Ставки по «коротким» (до 30 дней) потребительским кредитам выросли с 28,04% в январе до 29,51% в августе. Падение ставок по «коротким» кредитам наметилось в сентябре (до 23,72%), но произошел обвал курса, и ЦБ принял меры по ограничению рублевой наличности на финансовом рынке, что не сделало кредит доступнее.

¹³ «Завершение перехода к таргетированию инфляции» с достижением показателя 4—5% в годовом выражении в 2014 г. было сформулировано как базовая цель денежно-кредитной политики еще в 2011 г. (Симонов, Комаров, 2011).

Поскольку цели и методика не изменились, неясно, может ли повышение ставки содействовать ценовой стабильности: растущий процент не только делает кредит менее доступным, но и, естественно, повышает цену продукции, разгоняя ценовую инфляцию. Непонятно, как эта политика позволит насытить экономику капиталом и экстраординарно — ввиду санкций — стимулировать экономический рост, создание и развитие импортозамещающих производств, особенно учитывая, что даже официальные макроэкономические прогнозы на среднесрочную перспективу исходят из вероятности экономического спада на фоне продолжения Западом изоляционистской политики в отношении России. В этой связи трудно не согласиться с мнением, что ситуация очень напоминает «двойной удар по национальной экономике» (Глазьев, 2014).

Проблема импортозамещения в условиях кризиса

О необходимости развивать в России импортозамещающие производства мы говорили давно (например, см.: Симонов, 1989; 2009; 2010; 2011; Симонов, Комаров, 2011). Без ее решения в современных условиях сложно говорить об экономической безопасности страны, об устойчивости ее долгового положения на мировом финансовом рынке, о социальной стабильности. Санкции лишь вновь подчеркнули важность этой проблемы, а не породили ее. Не следует в данном контексте забывать и о проблеме *self reliance* (стратегия опоры на собственные силы) как оборотной стороне стратегии импортозамещения; обе, как правило, реализуются одновременно.

Не вдаваясь в подробности генезиса данных проблем в России, обратим внимание на механизмы, которыми власти предполагают решить главный вопрос обеих стратегий — капиталонасыщения экономики в условиях практического обнуления (долгосрочного либо на краткосрочную перспективу) внешних источников финансирования и кредитования. Как следует из поручений Президента, государство стремится минимизировать собственный инвестиционный и организационно-хозяйственный потенциал, делегируя эти функции финансовому рынку. Банки, которые не сумели за 25 лет «банковской реформы» обеспечить концентрацию временно свободных средств клиентов в необходимых для обеспечения их дальнейшего использования в целях кредитования реального сектора, должны быть докапитализированы и использовать свой организационно-хозяйственный механизм (прежде всего, филиальную сеть) для относительно равномерного (по территории страны) кредитования инвестиционных проектов. Законодателем специально на эти цели предусмотрен 1 трлн руб., который будет использоваться через механизм залога государственных ценных бумаг, порядок которого начал прорабатываться Минфином, Банком России и «Агентством по страхованию вкладов». К процессу должны быть также подключены иные государственные ресурсы, перераспределяемые через Внешэкономбанк и Сбербанк. В целом антикризисный план правительства потребует порядка 2,7 трлн руб.

Постановка вопроса понятна и не нова (в этом плане он впервые был поставлен в Федеральном послании 2002 г.¹⁴). Отметим лишь один аспект банковской деятельности, который явно не учитывается при построении организационно-хозяйственной модели ускоренного создания импортозамещающих производств: инвестирование — не функция банков.

Банкинг — *максимально экономическая система*. (Под ней мы понимаем систему, обеспечивающую кругооборот капитала в целях максимизации прибыли при минимальном участии производящих субъектов.) Она родилась вне сферы производства (как трансмиссионная система) и только позднее стала механизмом консолидации и инвестирования временно свободных средств. Современный банкинг — *крайнее выражение экономики как «процесса для процесса»*. Эта система в *крайних обстоятельствах* способна функционировать *вне и помимо* сферы производства (имеются в виду новейшие инструменты, связанные со спекулятивным доходом, превышающим темпы роста экономики; ряд банковских инструментов — часть деривативов, например, которая носит чисто «игровой» характер и не подразумевает передачу реальных ценностей между участниками сделки, беспоставочные срочные контракты и «игровые» технологии, составляющие основу функционирования банковского рынка). Банкинг теперь выкачивает деньги из реального сектора, предлагая высокий спекулятивный доход.

По мере возможности (при отсутствии прямого давления государства) банки уверенно — и вполне обоснованно — отказываются брать на себя *несвойственную* им функцию обеспечения прямого инвестирования, которую навязывает государство, — особенно в кризисные периоды и, как правило, под прикрытием необходимости выполнения неких социальных обязательств и даже публичных функций. Пытаясь инвестировать свои средства через банки, государство должно понимать, что поддерживает не только конечных заемщиков (будем надеяться — из реального сектора и в целях развития импортозамещения и экспортных производств высокотехнологичной продукции), но и почти тысячу банков. Последние будут предоставлять государственные ресурсы на возмездной основе, закладывая в условия кредитов собственную прибыль на среднерыночном (в лучшем случае) уровне. И даже если государство пытается удешевить кредиты через механизм субсидирования процентных ставок, оно должно сознавать, что главным бенефициаром этой благотворительности будут именно банки, а не дебиторы.

Не обсуждая здесь, зачем государству нужно развитие весьма дорогостоящего инвестиционного посредничества, остановимся на одной

¹⁴ «Важнейшим условием динамичного экономического развития является эффективная банковская система. Она призвана аккумулировать финансовые ресурсы и превращать их в инвестиции. В этой связи необходимо преодолеть отставание в банковской реформе. Усилить банковский надзор, обеспечить прозрачность деятельности банков, принять меры по повышению их капитализации». Не разбирая подробно данный абзац, отметим лишь, что банковская система *не* призвана превращать ресурсы в инвестиции. Задача банка — обеспечить консолидацию временно свободных средств клиентов и предоставить их в виде кредитов на условиях срочности, платности, возвратности и целевого назначения. Кому и на какие цели — это вопрос коммерческой стратегии. Ясно, что тому, кто обеспечит банку максимальную прибыль, а цели (инвестиционные или нет) здесь роли не играют.

проблеме: насколько при этом обеспечиваются не только цели оперативного финансирования инвестиций, но и цели надзора за эффективным и целевым использованием кредитных ресурсов. С момента поступления государственных средств в банк они становятся средствами банка, их раздельный учет не предусмотрен. Известно, что банковского надзора в этой области практически не существует, и государство его от банков пока почему-то и не требовало. Если положение не изменится, то, как обычно, все завершится заявлениями о том, что реальный сектор либо недополучил средства государственного финансирования, либо получил их на жестких рыночных условиях, что никак не предполагалось.

Еще одна важная проблема — субъективный ответ на государственный призыв к развитию импортозамещающих производств. Для того чтобы производитель начал долгосрочно инвестировать (в том числе и кредитные ресурсы) в развитие производства, в средства механизации, в племенной и семенной материал, в другие необходимые в производстве элементы, должны соблюдаться следующие условия:

1) должна быть сформулирована *государственная стратегия* развития импортозамещения, не только заявленная, но и исполняемая органами государственной власти, выражающаяся как в мониторингах и аналитике, так и реальных материально-финансовых потоках, которые овеществляют государственную поддержку конкретных импортозамещающих отраслей и производств¹⁵;

2) должен быть обеспечен *доступный внутренний кредит* по приемлемым ставкам (здесь могут сыграть важную роль господдержка в плане субсидий на финансирование части процентных платежей и активная процентная политика регулятора) — в необходимых объемах и на достаточно длительные сроки;

3) должна быть реализована государственная политика, направленная на *облегчение поиска новых внешних источников* сырья, полупродуктов и готовых изделий, необходимых для развития импортозамещающего производства на начальном этапе, — в виде новых межправительственных соглашений (или изменения условий действующих) со странами, не вошедшими в систему санкций, и т. д.;

4) производитель должен быть уверен в *долгосрочном характере государственной политики*. Без этой уверенности никакие инструменты поддержки бизнеса, ориентированного на внутреннее потребление, не будут работать. Зачем сельхозпроизводителю расширять поголовье или посевные площади и машинный парк, влезать в долги, если вдруг после посевной санкции отменят, и вернуться прежние объемы и номенклатура импорта продовольствия, а сельхозпроизводитель останется один на один с банками и перекупщиками?

Политика конца 1990-х — начала 2000-х годов обусловила технико-технологическую привязку отечественной промышленности, да

¹⁵ В Минфине уверены, что «не следует забивать частные инвестиции государственными», так как, в отличие от частных, государственные инвестиции а priori неэффективны (это давняя неолиберальная мантра), в частности, ввиду невозможности адекватного контроля за ними. Но если это — претензия, то вовсе не к системе госинвестиций. Это признание неспособности (или нежелания) данного государственного аппарата (конкретных чиновников) организовать их эффективное использование.

и экономики в целом, к поставляемым из-за рубежа технологиям и материалам. Политика деиндустриализации проводилась в предположении все что угодно купить за деньги на внешнем рынке, тем более что денег хватало. Поэтому осуществить импортозамещение в промышленности будет сложно.

Однако можно высказать ряд соображений об организационно-хозяйственных механизмах обеспечения развития импортозамещающих производств в аграрном секторе.

1. В 1990-е годы, когда Россия стала объектом стабилизационной программы МВФ, руководство страны сумело существенно исказить принципы реформ в аграрном секторе, которые стандартно содержит данная программа. Практика развивающихся стран, бывших объектами «стабилизации» МВФ, показывает, что основными задачами реформирования аграрной сферы в них были преодоление докапиталистических отношений и их капиталистическая трансформация. Дело сводилось к необходимости ликвидировать крупную докапиталистическую земельную собственность, парцеллировать ее, передав мелкие участки крестьянам, которых надлежало преобразовать в капиталистических фермеров, и попытаться развить на основе новых поземельных отношений капиталистическое производство на основах *self reliance*, используя для этого возможности кооперации (потребительской, снабженческо-сбытовой, кредитной, при необходимости — производственной).

2. В России задача уничтожения частных латифундий не стояла: их просто не было, парцеллировать было нечего. Более того, имелись определенные начала производственной кооперации, которая поддерживалась кредитными возможностями государства (снабженческо-сбытовой кооперации к началу 1990-х годов уже практически не существовало: вопросы сбыта и снабжения решались на государственном уровне; потребительская кооперация доживала последние дни). В этих условиях истинная задача аграрной реформы состояла не в разбазаривании колхозных и совхозных земель путем раздачи паев под предлогом создания «фермерских хозяйств», которые «должны накормить страну»: большинство бывших колхозников и работников совхозов продали свои земельные паи, положив начало формированию *нового частного латифундиального землевладения*, против которого боролся МВФ в «третьем мире», причем существенная часть его была выведена из производительного использования (на бывших пахотных полях появились объекты жилищного строительства и рекреационной индустрии, мясо-молочное стадо было вырезано из-за отсутствия пастбищ и кормов и т. д.). Напротив, необходимо было использовать имевшиеся основы кооперации для развития крупного аграрного производства, адаптированного к условиям агропромышленного комплекса. Однако в 1990-х сам термин «кооперация» находился под запретом нового «идеологического императива»: сильная конкуренция на глобальном продовольственном рынке практически не оставляла места на нем новым производителям, а «развивающемуся рынку» России, вступавшей в зависимый тип развития, отводилось место нетто-импортера. Фермеры, способные «прокормить всю Россию», не появились.

3. В этих условиях развитие импортозамещающего производства продовольствия не только становится проблемой экономической или природно-экономической (учитывая, что большая часть страны находится в зоне рискованного земледелия), но и имеет *существенный социальный аспект*. Фактически в явно капиталонедостаточном аграрном секторе необходимо *возродить кооперативные отношения*. Аналогичные задачи решались в аграрной сфере в годы нэпа и нашли отражение в трудах экономистов организационно-производственной школы (Симонов, Фигуровская, 1992). Это позволит привлечь в аграрную экономику дополнительные трудовые ресурсы, будет способствовать удешевлению кредитов в рамках системы кредитной кооперации, обеспечит (через систему снабженческо-сбытовой кооперации) возможность снизить роль перекупщиков, которые одновременно эксплуатируют и производителя (занижая закупочные цены), и потребителя (завышая цены конечной реализации). Мы не ставим вопрос о немедленном возрождении производственных кооперативов. Как отмечал Н. Д. Кондратьев, производственное кооперирование — «это проблема десятилетий, скольких, я не знаю: будет ли это 60 лет, но во всяком случае это проблема длительного решения»¹⁶. Однако использование исторически сложившихся во всем мире форм кооперации *в рамках отдельных функций* аграрного производства, на наш взгляд, в определенной степени позволит быстрее решить задачу импортозамещения, столь остро стоящую перед Россией сегодня.

Список литературы/References

- Банк России (2013). Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2014 год и период 2015 и 2016 годов. Москва. [www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2014\(2015-2016\).pdf](http://www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2014(2015-2016).pdf). [Bank of Russia (2013). *Guidelines for the Common State Monetary Policy in 2014 and for 2015 and 2016*. Moscow. (In Russian).]
- Банк России (2014). Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов. Москва. [www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2015\(2016-2017\).pdf](http://www.cbr.ru/today/publications_reports/on_2015(2016-2017).pdf). [Bank of Russia (2014). *Guidelines for the Common State Monetary Policy in 2015 and for 2016 and 2017*. Moscow. (In Russian).]
- Винокуров Е., Кулик С., Спартак А., Юргенс И. (2014). Тупик борьбы интеграций в Европе (аналитический доклад) // Вопросы экономики. № 8. С. 4–25. [Vinokurov E., Kulik S., Spartak A., Yurgens I. (2014). *Deadlock of Integrations Struggle in Europe (Analytical Report)*. *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 4–25. (In Russian).]
- Вудфорд М. (2014). Таргетирование инфляции: совершенствовать, а не списывать в утиль // Вопросы экономики. № 10. С. 44–55. [Woodford M. (2014). *Inflation Targeting: Fix It, Don't Scrap It*. *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 44–55. (In Russian).]
- Глазьев С. (2014). Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики. № 9. С. 13–29. [Glazyev S. (2014). *Sanctions of the USA and the Policy of Bank of Russia: Double Shot to the National Economy*. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 13–29. (In Russian).]

¹⁶ Цит. по: Итоги объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) 17–21 декабря 1930 г. Л.: Прибой. С. 238.

- Красавина Л. Н. (2014). Концептуальные подходы к проблеме модернизации международных валютных, кредитных, финансовых отношений России в аспекте современных мировых вызовов // *Деньги и кредит*. № 10. С. 45–52. [Krasavina L. N. (2014). Conceptual Approaches to Modernization of International Monetary, Credit and Financial Relations in the Framework of Modern Global Challenges. *Dengi i kredit*, No. 10, pp. 45–52. (In Russian).]
- Симонов В. В. (1989). Кто оплатит импортный каравай? // Политическое образование. № 13. С. 58–63. [Simonov V. V. (1989). Who Will Pay for Imported Loaf? *Politicheskoe obrazovanie*, No. 13, pp. 58–63. (In Russian).]
- Симонов В. В. (1997). Зависимый тип развития при переходе к капитализму: российский опыт (на материалах государственного долга в 80–90-е гг.) // Альманах Центра общественных наук. № 2. С. 166–176. [Simonov V. V. (1997). Dependent Type of Development in the Transition to Capitalism: The Russian Experience (On Materials of Public Debt in the 80–90-s). *Almanakh Tsentra Obshchestvennykh Nauk*, No. 2, pp. 166–176. (In Russian).]
- Симонов В. В. (2009). Выступление 5 марта 2009 г. на заседании «круглого стола» Секции экономики ООН РАН на тему «Проблемы текущего состояния российской экономики и перспективы ее развития» // Экономика и управление. Т. 42. № 2/5. С. 144–147. [Simonov V. V. (2009). Speech Devoted to “Problems of the Current State of Russian Economy and Perspectives of Its Development” On the March 5, 2009 at Russian Academy of Science, Social Sciences Department Round Table Meeting. *Ekonomika i Upravlenie*, Vol. 42. No. 2/5, pp. 144–147. (In Russian).]
- Симонов В. В. (2010). Идеология и структура бюджета как отражение социально-экономической модели России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Т. 3. № 6. С. 80–91. [Simonov V. V. (2010). Ideology and Structure of the Budget as a Reflection of the Socio-Economic Model of Russia. *Problemnyi Analiz i Gosudarstvenno-Upravlencheskoe Proektirovanie*, Vol. 3, No. 6, pp. 80–91. (In Russian).]
- Симонов В. В. (2011). Долговая политика Российской Федерации на среднесрочную перспективу: Плановый кризис государственного долга // Долговая политика: мировой опыт и российская практика / Под ред. Л. Н. Красавиной. М.: Финансовый университет. С. 20–32. [Simonov V. V. (2011). Debt Policy of the Russian Federation in the Medium Term: Planned Sovereign Debt Crisis. In: Krasavina L. N. (ed.). *Debt Policy: International Experience and Russian Practice*. Moscow: Finansovyi Universitet, pp. 20–32. (In Russian).]
- Симонов В., Комаров Д. (2011). Государственная денежно-кредитная политика Российской Федерации в условиях системного кризиса мировой экономики // Федерализм. № 4. С. 85–94. [Simonov V., Komarov D. (2011). The State Monetary Policy of Russia In the Conditions of System Crisis of World Economy. *Federalizm*, No. 4, pp. 85–94. (In Russian).]
- Симонов В., Фигуровская Н. (1992). Аграрно-экономическая концепция Н. Д. Кондратьева // Вопросы экономики. № 3. С. 26–34. [Simonov V., Figurovskaya N. (1992). Agro-Economic Concept of N. D. Kondratyev. *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 26–34. (In Russian).]
- Стиглиц Дж. (2010). О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад Комиссии финансовых экспертов ООН. М.: Международные отношения. [Stiglitz J. (2010). *Reforming the International Monetary and Financial Systems in the Wake of the Global Crisis*. UN Commission of Financial Experts. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. (In Russian).]
- Стиглиц Дж. (2011). Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо. [Stiglitz J. (2011). *Steep Dive: America and the New Economic Order After the Global Crisis*. Moscow: Eksmo. (In Russian).]
- Юдаева К. (2014). О возможностях, целях и механизмах денежно-кредитной политики // Вопросы экономики. № 9. С. 4–12. [Yudaeva K. (2014). On the Opportunities, Targets and Mechanisms of Monetary Policy under the Current Conditions. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 4–12. (In Russian).]

- Frankel J. (2012). *The Death of Inflation targeting*. VOX: CEPR's Policy Portal. June 19. <http://www.voxeu.org/article/inflation-targeting-dead-long-live-nominal-gdp-targeting>.
- Simonov V. (2012). *The Crisis of World Economic System and the Russian Church*. Paper presented at the BEPA seminar "Promoting Solidarity in the current Economic Crisis: The contribution of the Orthodox Church to European Social Policy", Brussels, Oct. 17.
- Wren-Lewis S. (2013). *Written Evidence Submitted to the House of Common Treasury Committee*, for the Hearing on the Appointment of Dr. Mark Carney as Governor of the Bank of England. January. <http://www.parliament.uk/documents/commons-committees/treasury/MarkCarneyEvidence.pdf>.
-

Anti-Russian Sanctions and the Systemic Crisis of the World Economy

Veniamin Simonov

Author affiliation: Lomonosov Moscow State University.

Email: ekkleisia@hist.msu.ru.

The article analyzes the causes and possible consequences of the current situation in the foreign exchange market for Russian development strategy of import substitution that the country has to develop and implement after the US, the EU and some of its allies initiated economic sanctions against Russia. It is shown that the sanctions policy follows the competition, aggravated with the onset of the structural crisis of the world economy in 2008, that is understood as the crisis in the model of inflationary growth, combined with the cyclical and financial crises.

Keywords: monetary policy, systemic crisis, international competition, the inflationary model of economic growth, economic sanctions.

JEL: E10, E31, E44.